

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Несмотря на наметившуюся тенденцию либерализации уголовной политики, она не утратила своего репрессивного характера, так как лишение свободы остаётся одним из наиболее распространённых видов наказания. Сегодня стало очевидным, что для решения этой проблемы мер, связанных лишь с совершенствованием судебной практики, явно недостаточно. Прежде всего это касается расширения сферы применения институтов освобождения от уголовной ответственности.

Совершенствование законодательства в любой его отрасли — процесс непрерывный, в наибольшей степени это относится именно к системе мер уголовной ответственности. Можно сказать, что феномен системы мер уголовной ответственности заключается в её постоянном реформировании, когда общество осознаёт, что поставленные перед правосудием цели не достигаются.

Осознание неэффективности такого распространённого вида наказания, как лишение свободы, приводит к поиску альтернативных решений этого вопроса. Как показывает опыт европейских стран, применение суровых мер наказания не обеспечивает безопасности общества. Известный французский философ Мишель Фуко ярко и лаконично сформулировал отношение к наказанию на современном отрезке истории — «наказывать не строже, а лучше», и с этим утверждением весьма сложно не согласиться [1, с. 20].

Таким образом, одной из главных задач уголовной политики нашего государства следует признать дальнейшее развитие института освобождения от уголовной ответственности с целью расширения практики его применения. При этом, учитывая международный опыт, где в практику правоохранительной системы и судов достаточно прочно входят идеи примирительных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, вероятно, предпочтение в дальнейшем будет отдано освобождению от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, закреплённому в статье 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК).

Первоначальная редакция данной статьи, согласно которой лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, могло быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим, просуществовала достаточно долго, вплоть до принятия Закона Республики Беларусь от 15 июля 2009 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности», которым, с учётом наметившихся тенденций реформирования института освобождения от уголовной ответственности в целом, сформулирована новая редакция данной статьи. В соответствии с ней лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причинённый преступлением вред.

Так законодатель, расширив сферу применения данного вида освобождения от уголовной ответственности, допустив его возможность и при совершении впервые менее тяжких преступлений, одновременно ужесточил условия его применения. Теперь недостаточно только примирения обвиняемого с потерпевшим, но требуется ещё и заглаживание виновным причинённого преступлением вреда [2, с. 27]. По сути, такое условие как бы реабилитирует принцип неотвратимости ответственности, предусмотренный в части четвёртой статьи 3 УК: виновный в совершении преступления должен претерпеть какие-то лишения или ограничения [3].

Таким образом, для освобождения от уголовной ответственности по статье 89 УК требуется наличие совокупности следующих условий: 1) совершённое преступление должно относиться к категории, не представляющей большой общественной опасности, либо быть менее тяжким и совершённым впервые; 2) примирение с потерпевшим; 3) лицо, совершившее преступление, должно загладить причинённый вред.

Однако даже при наличии указанных в законе условий, необходимых для прекращения уголовного дела за примирением, закон не обязал, а предоставил суду право прекратить производство.

Из этого следует вывод, что при рассмотрении дела и назначении наказания или освобождении от него суд должен исходить из принципа индивидуализации, т. е. учитывать конкретные обстоятельства содеянного, личность совершившего преступление, характер и размер нанесённого вреда, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

Следует отметить, что при желании потерпевшего примириться с обвиняемым, заглавившим причинённый преступлением вред, суд обязан рассмотреть вопрос о возможности прекращения производства по делу в соответствии со статьёй 89 УК. При этом позиция государственного обвинителя по вопросу прекращения производства по делу за примирением с потерпевшим является лишь позицией одного из участников судебного разбирательства, которую суд должен учитывать наравне с мнением других участников при разрешении ходатайства потерпевшего о прекращении уголовного дела. При этом согласие государственного обвинителя на примирение не является отказом от обвинения, так как уголовное дело в этом случае прекращается по нереабилитирующему основанию.

Если в уголовном деле фигурируют несколько потерпевших, то для освобождения от уголовной ответственности обвиняемого в соответствии со статьёй 89 УК необходимо его примирение с каждым из них [4, с. 27—28].

Необходимо отметить, что расширение сферы действия нормы статьи 89 УК положительно повлияло на правоприменительную практику, позволило значительно чаще прекращать производство по делу в связи с примирением сторон. Вместе с тем такое основание не имеет достаточно широкого распространения, хотя возможности использования его в механизме противодействия преступности, особенно бытовой, преступности несовершеннолетних, весьма значительные [5, с. 59].

Однако вопрос о совершенствовании данной нормы не завершается. Уже вносятся предложения о расширении сферы использования данного вида освобождения от уголовной ответственности по категориям преступлений, не исключая возможность его применения и за тяжкие преступления. Так, Р. А. Середа пришёл к выводу, что в рамках внедрения идей восстановительного правосудия в нашем уголовном законодательстве должно иметь место расширение круга составов преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности в порядке статьи 89 УК. По мнению автора, в этот круг необходимо включить как менее тяжкие преступления, так и отдельные составы, относящиеся к тяжким преступлениям [6, с. 124]. В настоящее время законодатель предусмотрел возможность применения указанной статьи за совершение менее тяжкого преступления при условии, что оно совершено впервые. Что же касается тяжких преступлений, то Э. Саркисова и Л. Кукреш считают, что такое предложение выглядит весьма проблематичным, поскольку существенно минимизируются наиболее совершенные формы разрешения уголовного дела и использование при этом мер уголовной ответственности. Они отмечают, что автор видит положительный результат подобного использования примирения, в частности, в снижении количества осуждённых к лишению свободы. Однако, помимо этого наказания, закон предусматривает и другие виды наказания, при этом не связанные с лишением свободы, а также иные меры уголовной ответственности, применение которых не исключается и при совершении тяжких преступлений. В тех же случаях, когда закон не допускает альтернативные виды наказания за такие преступления, то вряд ли было бы вообще справедливым признавать альтернативой лишению свободы освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим [2, с. 27—28].

Таким образом, существует ряд противоречивых точек зрения по поводу того, стоит ли и в дальнейшем расширять сферу применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Представляется, что существует необходимость дальнейшего изучения и развития данного института в целях внедрения в республике восстановительного правосудия.

© Трафимчик И. В., 2015

Список цитируемых источников

1. Ракитский В. О перспективах совершенствования в Республике Беларусь системы мер уголовной ответственности // Судовы весн. 2008. № 3. С. 20—23.

2. Кукреш Л., Саркисова Э. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект // Юстыцыя Беларусі. 2012. № 3. С. 26—30.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. ; текст по состоянию на 29 янв. 2015 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».

4. Кременевская С., Стельмашук Ю. Об освобождении от уголовной ответственности и наказания по ст. 83, 86—89 Уголовного кодекса Республики Беларусь // Юстыцыя Беларусі. 2010. № 6. С. 25—29.

5. Петрова В. Прекращение производства по уголовному делу в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим и восстановительное правосудие // Судовы весн. 2010. № 3. С. 57—61.

6. Середа Р. А. Альтернативы уголовному преследованию в зарубежных странах и возможность их применения в Республике Беларусь // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2009. № 1. С. 121—124.

УДК 343.9.01

Н. М. Чечет

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ДЕФИНИЦИЯ КОРЫСТНЫХ ПОБУЖДЕНИЙ В БЕЛОРУССКОМ И РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Рассмотрена корысть как мотив, проведён сравнительный анализ действующего белорусского и российского законодательства в части корыстной мотивации, обоснована необходимость внедрения в Уголовный кодекс Российской Федерации дефиниции «корыстные побуждения».

Корыстная преступность наиболее распространённый криминальный феномен в мире. Так, например, её доля в странах с развитой экономикой составляет порядка 80% (Германия), а в развивающихся странах она находится на уровне 60% (Беларусь, Украина) от общего числа зарегистрированной преступности.

Обыденное понимание корыстной преступности не представляет особой сложности: это противоправные деяния, совершенные с целью получить материальную выгоду, пользу. Основой соответствующего понятия являются категории «корысть» и «корыстная мотивация». Здесь корысть понимается как «страсть к приобретению, к поживе, жадность к деньгам, к богатству, любостяжание, падкость на барыш, выгода, польза, пожива, добыча или захваченное богатство» [1, с. 171]. «Корыстная мотивация» синонимична «корыстным побуждениям».

Основное значение для данной работы имела материалистическая диалектика. Посредством использования данной методологии автор, путём осмысления «корысти» как мотива и анализа действующего белорусского и российского уголовного законодательства, смог разработать собственное представление о «корыстных побуждениях». В ходе исследования были использованы методы формально-логического анализа, сравнительный и специально-правовые методы познания, позволяющие определить дефиницию «корыстных побуждений».

В уголовном законодательстве Республики Беларусь под корыстными побуждениями понимаются мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершённого преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат [2].

В российском же уголовном законе отсутствует дефиниция корысти как мотива. Только в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» даются разъяснения касательно корыстных побуждений. Под ними понимаются побуждения, направленные на получение материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или права на его получение, прав на жилплощадь и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнение имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.) [3].